

18+

александр дорофеев

Колесо племени майя

два века и один год

Александр Дорофеев

**Колесо племени майя.
Два века и один год**

«Издательские решения»

Дорофеев А.

Колесо племени майя. Два века и один год / А. Дорофеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932418-4

В хозяйстве майя не было колеса. Зато в их воображении крутились колёса — небесные и временные, исчисляющие жизнь одного человека, поколений, целых народов и всей нашей Земли. Часть текста была ранее опубликована в книге «Повести нового света».

ISBN 978-5-44-932418-4

© Дорофеев А.
© Издательские решения

Содержание

Эй! Остановись!	6
День Преображения	8
Пятое солнце	10
Новый свет	11
Колючее божество	13
Маис и птицы	14
Город Тайясаль	16
Косой взгляд, прямые мысли	18
Советник ахава	20
Голова в дощечках	22
Цаколь-Битоль	24
Генерал и губернатор	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Колесо племени майя Два века и один год

Александр Дорофеев

*«Луна, ветер, годы и дни —
Всё течёт, и всё умирает.
Кровь спешит к месту своего успокоения
Подобно власти, занимающей трон».*

*«И проснутся непрснувшиеся —
Те, кто ещё не проснулся
В эти дни недолговечного царства
Временного царства».*

*«Плотники увещевают дерево,
Гончары учат глину лгать,
Лучники подчиняют стрелы,
А мудрец — самого себя»*

«Чилам-Балам», эпос майя

© Александр Дорофеев, 2026

ISBN 978-5-4493-2418-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эй! Остановись!

Человек с головой длинноклювой птицы, раскинув руки, покачивался в каменном гамаке.

С закрытыми глазами летел он к Сердцу Небес, где зарождался в предутренней тишине новый день.

Возможно, так оно и было – птицеголовый сумел увидеть новорожденное солнце ещё до того, как первые лучи отделили море от неба и осветили храм на вершине пирамиды.

Тогда он записал чернильным клювом на длинном свитке из коры фигового дерева:

«Вчера, в год 4625 от начала Пятого солнца, в середине месяца Сака, в день кауак, что означает бурю, с восьмого неба, где живёт непогода, спустился ураган Имеш. Исполнив мою просьбу, он потопил большую пирогу на Гадючьих рифах...»

Хотел приписать – «И все пришельцы погибли».

Но вздрогнул, застигнутый внезапно чьим-то голосом, и обронил свиток.

Слова прозвучали так отчётливо, будто прямо из висевшей на его груди морской раковины, но были непостижимы.

Человек сорвал птичью маску, под которой обнаружилось широкое, как у совы, лицо – с орлиным носом, с чёрными раскосыми глазами. Странно выглядели лоб и затылок – приплюснутые и устремлённые вверх.

– О, творец нашего мира, о создатель Цаколь-Битоль! Моё сердце и душа отворены для тебя! Говори! – воскликнул он, надеясь на разъяснения.

И различил шёпот раскрывающихся под солнечными лучами диких орхидей и шорох креветок в прибрежных водах. Услышал, как саблекрылые колибри рассекают воздух. Множество тончайших звуков проникало в его уши.

Но с тринадцатого неба, на котором живёт Цаколь-Битоль, исходила лишь глухая и вязкая, словно струя каучука, тишина. Да, именно так течёт сок уле из каучукового дерева.

Не дождавшись новых слов, он громко повторил те, не разгаданные:

– Эй! Ос! Та! Но! Ви! Сь!

Однако никакого смысла так и не уловил.

– О, горе! Я, верховный жрец Эцнаб, не понял Творца и Создателя! Чем же прогневил его?!

Эцнаб выбрался из каменного гамака, упал на колени и бормотал что-то до тех пор, пока раковина на груди тихонько не запела. Сначала она только посвистывала и щёлкала, как птица, но голос её всё возрастал и множился. Раковина уже тявкала, будто койот, и рычала, точно ягуар.

И, наконец, из её маленького изогнутого чрева извергся несоразмерно мощный рёв. Именно так надрывался вчера водяной дракон – ураган Имеш! Более того, даже чёрные тучи, величиной с кулак, повалили наружу, а меж ними засверкали молнии.

Эцнаб укрыл раковину ладонями, и она сразу притихла.

Теперь жрец знал, чем провинился, – напрасно велел урагану погубить ту большую пирогу.

Хотя вот уже почти целый катун, около двадцати лет, он сдерживал нашествие пришельцев.

«Так почему же я не заметил, как изменилось время, а наш старый Цаколь-Битоль помолодел и заговорил иным, чем прежде, языком? – думал Эцнаб, – Ах, владыка Двойственности, ты непостоянен! Уже отвернулся, не слышишь своих детей, обращаясь к пришельцам!»

Жрец поднял руки к солнцу и возопил отчаянно на древнем наречии народа майя:

– Эй! Остановись!

Он умел ускорять и замедлять время, но вдруг спохватился, раскаявшись в своих словах. Далеко высунул язык и проткнул в наказание острым шипом кактуса.

День Преображения

Прошедшей ночью во время жестокого шторма испанская каравелла налетела на рифы. Острый коралловый гребень, подобный драконьему, с ужасающим треском, слившимся с ударами грома и рёвом ветра, вспорол деревянное днище.

Беспомощный, будто бабочка на булавке, корабль разваливался, избиваемый волнами.

Трюм наполнился водой. Высокие надстройки на корме приподнялись и, сметая всё, устремились по палубе к носу. Одна за другой рухнули четыре мачты.

Белая пена клокотала вокруг, поглощая людей, криков которых не было слышно. И поэтому, несмотря на грохот бури, казалось, что нависла страшная тишина.

И время вроде бы замерло. Или, скорее, настолько растянулось, что вот-вот должно было, словно канат, лопнуть – прерваться навсегда.

Для большинства команды, включая капитана, так оно и случилось. Навеки они упокоились среди обломков каравеллы, у подножия рифов, 18 августа 1511 года от рождения Христа, как раз накануне праздника Преображения Господнего.

Однако два человека очнулись ранним утром в лодке.

Одного звали Гереро, другого – Агила.

Ну, кому как не им суждено было выжить в кораблекрушении! С такими-то именами, Гереро и Агила, которые означают в переводе с испанского – Воин и Орёл!

Впрочем, они ещё ничего не понимали – что произошло? где? почему? – настолько всё преобразилось.

Молчаливо оглядывались, шурились, потягивались. Даже позёвывали.

Восходило ясное мягкое солнце, и бирюзовое море тихо лепетало за бортом, вроде бы извиняясь за вчерашний скандал.

Лишь обрывки паруса, свисавшие с мачты, да вода в пять ладоней по дну лодки напоминали о шторме.

Агила приподнялся, и тут же что-то живое прытко охватило ладонь, словно в рукопожатии. Он покосился вниз и увидел на дне под боком небольшую пурпурную физиономию, смотревшую разумным, но усталым глазом.

Это был осьминог-подросток, – не более метра в длину, если считать со всеми ногами. Зброшенный в лодку штормовой волной, он тоже не мог сообразить, где это вдруг очутился.

Выхватив из-за голенища нож-наваху, Агила хотел было отрубить щупальца, обвившие руку, и вышвырнуть осьминога за борт.

– Эй! – хрипло крикнул Гереро. – Остановись!

И это были первые слова, прозвучавшие над морем в тот тишайший день Преображения.

Возможно, слышимость в те времена была немыслимая. Или голос Гереро имел особенную лёгкость и летучесть. А может быть, всё дело в чуткости уха жреца.

Как бы то ни было, но в пятидесяти милях к западу от одинокой лодки человек в птичьей маске, встречавший солнце в храме на вершине белокаменной пирамиды, услышал их и вздрогнул.

А через какое-то время и Гереро с Агиллой и даже осьминог встрепенулись в лодке – вопль жреца пронёсся над ними, как дальний раскат грома.

Но небо было безупречно ясным, и солнце надолго замерло в зените, превращая морскую бирюзу в золото, а потом быстро-быстро покатилося к закату, словно навёрстывая упущенное время.

Хотелось надеяться, что всё самое страшное позади.

Хотя слишком часто за чудесное спасение приходится расплачиваться всю жизнь.

То есть сама жизнь изменяется до неузнаваемости. Так что начинаешь сомневаться, было ли спасение, или ты уже на другом свете. На каком-то совершенно новом.

Впрочем, и до него ещё надо добраться, поскольку вокруг ни намёка на землю. А парус разорван и вёсел нет.

Пятое солнце

Рыжебородый Гереро смотрел на жизнь легко, а лицом напоминал радостно-цветущий подсолнух.

– Неизвестно, сколько дней мотаться нам по морю, – сказал он. – Так что этот осьминог послан самим небом...

Агила мрачно поглядел в осьминожий глаз.

«Очень смыслённый этот головоногий. Кажется, догадался о своей судьбе, но не ропщет! А нам-то какая доля уготована? Можно представить!»

День они провели в молчании. Да и о чём говорить под палящим солнцем среди бесконечной солёной воды?

А думали об одном – к берегу жизни их прибьёт или к берегу смерти. Всё зависело от того, в какое течение попадут, и с какой стороны будет ветер.

То и дело они смачивали обрывки паруса и укрывали головы. На время мрачные мысли уходили. Но парусина быстро высыхала.

К вечеру, когда солнце стремительно погружалось в море, а на небе уже появился полупрозрачный, в виде ониксовой чаши, месяц, Агила, не глядя осьминогу в глаза, отсёк два щупальца.

Пока моряки жевали их, вытягивая соки, щупальца извивались – касались щёк и носа, постукивали по лбу и путались в бороде.

И ночь под странно перевёрнутыми созвездиями была беспокойна, словно тоже змеилась и петляла, унося своим потоком лодку в бесконечные дали, куда-то в сторону Млечного пути, истекавшего из лунной чаши.

И возшло второе солнце, и миновало небосвод. А за ним и третье, и четвёртое, не открывшие ничего нового взору. Зато сокрушавшие надежду.

На заре пятого дня Агила сказал, обращаясь то ли к Гереро, то ли к осьминогу, от которого осталась одна лишь безногая голова, то ли к самому солнцу, размеренно продолжавшему свой путь:

– Для чего же мы спасены, брат?! Да неужели, чтобы растянуть наши страдания?! Мы подобны этому осьминогу! Только нас поедает солнце и время! Не лучше ли сразу утопиться или перерезать горло, чем ожидать мучительной смерти без воды и пищи?!

Гереро встал на нос лодки, подняв ладони:

– Этот день отличается от прежних. Я чувствую – новый, необычный день. Прекрасный день! Ветер поменялся и не спорит с течением, а влечёт нас прямо к западу.

– Ну, что ж, – недоверчиво покачал головой Агила, – тогда на закате...

Он уже твёрдо решил, что одним махом вспорот себе горло, сидя на борту, чтобы сразу упасть в воду и захлебнуться, пока не подплыли акулы. Кровавый должен выдаться закат!

И действительно, к вечеру пятое солнце побагровело. Оно завершало этот день, поспешно отдаляясь от лодки, будто не желало видеть кровопролития.

Меж тем Агила уже достал свою наваху, и лезвие её отсверкивало красными лучами.

Гереро, смотревший вперёд, вдруг обернулся, улыбаясь:

– Погляди! – И указал рукой на горизонт.

Из моря выступала расплывчато-синеватая береговая полоса неведомой новой земли.

И пятое солнце, зависнув над ней на расстоянии ладони, словно из последних сил высвечивало прибрежные пальмы и пирамидальную скалу, под которой темнела спасительная бухта.

Новый свет

Над лодкой неторопливо проплывали пеликаны, самые молчаливые из птиц.

Они разглядывали под водой рыбу, и время от времени ухали в море, как будто навсегда. Невероятно медленно, беззвучно приближался берег.

Уже стемнело, и он был едва различим. Только полоса песка белела в ночи, словно отдавала накопленный за день солнечный свет.

Ветер стих, и моряки заметили, что лодку относит течением вправо. Тогда, скинув одежду и сапоги, они прыгнули за борт и поплыли к бухте. Море переливалось, как живое, и при каждом взмахе руки светящиеся брызги разлетались по сторонам.

Гереро первым коснулся дна – плотного и ребристого от прибой. Он пошёл по груди в воде, а сзади поспешал, фыркая и отдуваясь, Агила.

Хоть вода была тепла и ласкова, а хотелось побыстрее выбраться на берег.

Они рухнули на песок, оказавшийся нежным, как пудра.

Всего-то с полмесяца назад, преодолев Атлантический океан, прибыли они из Испании в Вест-Индию, на Кубу. И ещё не успели привыкнуть к тропической влажной духотой, с москитами и внезапными ливнями, как на каравелле «СантаФе» под командованием капитана Педро де Вальтерра вышли в Караибское море на поиски новых земель.

И вот теперь, кажется, обнаружили. Они не знали, что с Иберийского полуострова угодили на другой, меньших размеров, – можно сказать, на пятку огромного материка, который в те годы ещё не назывался Северной Америкой.

Впрочем, Гереро и Агила не думали о том, на какой земле лежат, куда ступили их ноги. Пускай ничтожный клочок тверди среди бесконечного океана!

Лишь бы найти пресную воду да что-нибудь съестное. С этими мыслями они и заснули. Два измождённых бородатых человека в драных подштанниках.

А проснулись вообще голыми и безбородыми детьми – лет десяти. Они не понимали, как такое могло приключиться. Но странно, что не очень-то удивились и совсем не напугались. Им было хорошо!

Мягко светило солнце, стоявшее в трёх пальцах над морем. Порхали огромные желтокрылые бабочки, и крохотные колибри зависали над цветами, принаравливаясь запустить туда длинные клювы. Время от времени с высоких пальм бухались кокосы, расплёскивая белый песок. Почти к самому берегу подплыло семейство дельфинов – папа, мама и малолетний, которого родители опекали с двух сторон. А на скалу, зависшую над бухтой, вышел из зарослей красный олень.

– Может, это рай, куда пускают только детей? – вроде бы спросил Гереро.

Некий длинноносый зверёк, зевая и улыбаясь, помахал ему полосатым хвостом, а потом свистнул, как знакомому.

– Наверное, это настолько новая земля, что и человек здесь сразу обновляется, – предположил Агила, дружески хлопнув Гереро по плечу.

И тут они разом проснулись. В их бородах и всклокоченных волосах запутались водоросли. А лица так обгорели под пятью солнцами, что цветом напоминали беднягу-осьминога, спасшего им жизни.

Совсем рядом, у ног, тихо плескалось море. Неподалёку со скалы сбегал ручей, оборачиваясь воркующим водопадом.

Их окружал какой-то необычный свет. По крайней мере, в то утро всё казалось невероятно ярким, будто только что сотворённым. И в то же время – почти прозрачным, едва уловимым для глаза. То ли есть, то ли всё ещё снится.

Потягивали, как шавки, тяжёлоклювые туканы. Дынные деревца папайи еле выдерживали тяжесть оранжевых продолговатых плодов.

Чёрная обезьянка, точно монах в капюшоне, длиннорукая и длиннохвостая, спрыгнула с ветки морского винограда и, проковыляв по песку, присела в трёх метрах. Она вытягивала губы, издавая звук, подобный флейте, и добродушно вглядывалась, пытаясь разобраться, кто это тут валяется. То ли два крокодила в штанах, то ли гигантские черепахи без панцирей, собравшиеся отложить яйца в горячий песок...

А Гереро с Агиллой и сами бы сейчас не ответили, кто они такие, откуда, зачем и как их звать. Они и правда стали, как дети. Напугав обезьяну, вскочили и, подпрыгивая, размахивая руками, гогоча, пустились наперегонки по берегу.

Можно было подумать, что спятили. Или вытворяют какой-то дикий колдовской обряд. Хотя они просто-напросто поняли, что чудом остались живы. А где жить, – на какой земле, на каком свете – не всё ли равно!

Агила исчез за скалой с водопадом, а Гереро вдруг остановился, ощутив на себе чей-то взгляд.

Под едва заметным дуновением с моря шевелились ветви подростковых пальм, и в их зыбкой тени кто-то скрывался.

Кажется, птицы.

Но вот вся стая вспорхнула разом, и сердце у Гереро ёкнуло, – это люди с перьями на головах!

Он приложил руки к груди и поклонился, а, подняв глаза, увидел, что окружён.

Люди были невысокими, но крепкими – в коротких, будто куриные крылья, накидках, в набедренных повязках, с копьями и щитами.

Гереро не заметил ни враждебности, ни угрозы в их смуглых лицах. Они глядели, как опытные охотники, – бесстрастно. Поймали, кого хотели, и точно знают, что с ним делать.

Гереро решил, что им не помешают хоть какие-то сомнения, – пусть задумаются, насколько правильны их замыслы.

– Чья эта земля? – спросил он, взмахнув руками. – Как называется?

– Кии – у – таан, – пропел петухом один из воинов в особенно пышных перьях. Остальные же придвинулись, нацеливаясь копьями.

Гереро попытался улыбнуться каждому в отдельности, словно друзьям, которые чего-то напутали, но сейчас обязательно разберутся и признают в нём старого приятеля.

– Как? Юкатан? Ах, Юкатан! – хлопнул он себя по затылку, вроде бы удивляясь, как это позабыл такое простое название.

– Ки – у – тан! – назидательно повторил предводитель, кивнув перьями.

И человек пять сразу набросились на Гереро.

– Юкатан! – орал он, отбиваясь изо всех сил.

Подросли ещё десять. Скрутили и связали так, что стало тяжело дышать, почти невозможно, уткнувшись носом в песок.

Над ним склонился предводитель и ещё раз тихо сказал:

– Ки – у – тан! – будто оправдываясь.

– Я тебя не понимаю! – хрипел, отплёвываясь, Гереро, – Я тебя не понимаю!

И, как ни странно, попал, наконец, в точку – неожиданно верно перевёл слова с языка майя на испанский.

Колючее божество

Агила видел всё, затаившись в расщелине у водопада. На какое-то время воины удалились, оставив одного Гереро.

Агила мог бы развязать его, однако не двинулся с места, будто прирос к скале.

«Это засада, – думал он. – Точно, засада, чтобы выманить меня!»

Дождавшись, когда Гереро повели на юг, он помчался на север.

Несколько дней брёл по берегу моря. Густые заросли деревьев и кустарников, тянувшиеся слева, пугали его. Оттуда доносились странные голоса, вскрики, шорохи. И всё же приходилось сворачивать в лес, чтобы отыскать какие-нибудь дикие фрукты.

На ночь он устраивался поближе к воде, зарываясь в прогретый солнцем песок, иначе от комаров и moskitov не было спасения.

Пятым или шестым утром очнулся раскопанным. Над ним склонились полуголые черно-волосые люди с заострёнными палками. Рядом лежал диковинный зверёк в чешуйчатом панцире с проломленной головой.

Агила и не думал сопротивляться. Сознание его как-то затмилось, и он начал болтать без умолку, рассказывая обо всех родственниках, о детстве в Малаге, о королевском дворе, так что, когда прервался на миг, индейцы сбились с шага и настороженно замерли.

Его привели в небольшую деревню, где ничего не радовало глаз, – убогие хижины, укрытые пальмовыми листьями, каменный столб посреди площади и здоровенный разлапистый пыльный кактус, напоминавший сидящего мужика.

«Наверное, их божество! – решил Агила и на всякий случай низко ему поклонился. – Уж коли придётся здесь пожить, почему бы не стать жрецом?! Неплохая должность для человека развитого, угодившего по воле случая к варварам».

Он хотел объясниться – мол, вы, ребята, ещё не понимаете, какое счастье привалило!

– В этой голове, – гладил себя по макушке, – Куча полезных знаний! И всё достанется вам! Всё вам!

Но, вероятно, было в его облике что-то жалкое и суетливое. Туземцы глядели на него, пересмеиваясь, как на шута горохового.

– Я научу вас строить большие дома и ветряные мельницы, – размахивал руками Агила.

Однако никого не убедил. Возможно, не понимая слов, местные жители видели его насквозь и догадывались, что он сроду ничего не построил. Их вождь-касике, грубо прервав, определил Агилу простым работником на кукурузные поля.

В тот же день ему выдали палку-копалку и показали, как продельвать лунки в земле, сколько зёрен бросать и, наконец, как ловчее присыпать ямку движением голый пятки.

Чего-чего, а такого он не ожидал – работать батраком у полудикого народа! Уж лучше бы его съели! Нет, в нём ещё не умер Орёл! И он в ярости сломал об колено палку-копалку.

Тогда его схватили и привели на деревенскую площадь. Под заунывный гул больших деревянных барабанов содрали штаны, что само по себе было унижительно. Но барабаны загудели громче, и Агила опомниться не успел, как был посажен на неимоверно колючие колени кактуса, которому ещё утром кланялся.

– Паганос! – орал он, извиваясь. – Язычники! Идолопоклонники! Людоеды!

Но, просидев минут пять в объятиях сурового божества, утих. После наказания ему вручили новую палку и погнали на поле. Копая ямки, он глотал слёзы и думал-думал:

«Как могут они помыкать крещёным человеком, у которого один великий Бог!? Нет-нет, со временем всё будет наоборот! Отольются им мучения христианина!»

О, зоркий глаз был у Агилы, поистине орлиный, – видел на много лет вперёд...

Маис и птицы

Первым словом из языка майя, которое он твёрдо усвоил, было «мильпа» – кукурузное поле. Оно, впрочем, состояло из двух. «Мильи», то есть сажать, сеять. И «па» – в. Так что, можно сказать, Агила узнал разом три слова. А больше ему и не требовалось, поскольку он только и делал, что работал на мильпе.

Когда солнце поднималось точно из-за каменного столба, торчащего посреди деревенской площади, – пора было начинать вырубку деревьев в тропическом лесу, иначе говоря, в сельве. С утра до вечера он махал каменным топором, освобождая место для посадки маиса-кукурузы.

Этому были посвящены декабрь и январь.

Март и апрель – для выжигания кустарника и пней. А в мае-июне – посев. Агила понуро ходил по взрыхлённой земле, держа в руках полую тыкву с семенами и палку-копалку.

Когда дул ветер, семена разлетались, а сухая земля забивала глаза. В пору затишья его облепляли москиты. На местных жителей они, кажется, не обращали внимания.

В сезон дождей, по колено в грязи, Агила пропалывал мильпу от сорняков.

Затем сгибал каждый кукурузный стебель, чтобы лишить початки лишней влаги и ускорить созревание. Но стебли под его руками предательски ломались.

В ноябре начинался сбор урожая, затягивавшийся иногда до марта, – столько урождалось этого чёртового маиса!

Агила всей душой возненавидел его. Мало того, что возился с ним круглый год, так ещё и кормили его одним маисом. То в виде лепёшек жареных, то печёных, то кашей, завёрнутой в пальмовые листья, или просто варёными початками, а то и сырыми – в зависимости от усердия в работе.

Он старался быть прилежным, но всё получалось как-то наперекосяк, неловко. Пожалуй, не менее одного раза в неделю заунывно гудели барабаны-туны, и его наказывали, усаживая всё на тот же проклятый кактус. Взгляд Агилы померк, и дух надломился, как кукурузный стебель.

Конечно, тогда он и представить не мог, что через какие-нибудь триста лет гербом независимой Мексики станет орёл, сидящий на кактусе, правда, со змеей в клюве.

Словом, Агила был не просто рабом, а презираемым. На него смотрели, как на глупца, который не может выполнить самую нехитрую работу.

И, в конце концов, за двадцать бобов какао, очень дёшево, – хороший кролик стоит едва ли меньше, – касике продал его в соседнюю деревню. Там Агила молот маис тяжеленными жерновами.

«Может, я терплю всё это за то, что бросил Гереро в беде? – размышлял он, ненавидя себя за малодушие, – Беднягу, наверное, давно съели, а костями его стучат в барабаны».

Ещё дважды продавали Агилу, пока он не показал себя приличным рыбаком.

Прошли годы, или, если на местном наречии, – туны. Он сбился со счёту, сколько. Но однажды, во время урагана, ему удалось бежать из рыбацкой деревни, не зная, куда и зачем. Штормовые волны гнали его прочь с берега моря. Деревья стегали ветками и кололи шипами. Крокодилы, выпрыгивая из лагун, щёлкали зубами. О, каким жалким и потерянным чувствовал себя Агила!

Он достиг мыса Каточе – конца земли, крайней точки полуострова Юкатан. Дальше было только море. Он оказался среди бесчисленных стай розовых фламинго, маленьких белых цапель, чаек и важных пеликанов с тройными подбородками.

– Вот моё место! – воскликнул Агила.

И поселился среди птиц, построив гнездо из ила и водорослей. Рыбачил на мелководье. Подолгу замирал на одной ноге, а когда подплывала рыба, глушил её пяткой. Давно уж не был так счастлив. Хотя почти оглох от неумолчного гоготанья, кряканья, карканья и пиликания.

Да и во время брачных танцев ему не везло. Какая-то мелкая цапелька, приняв за соперника, ударила в глаз острым клювом, так что Агила окосел.

Когда в 1519 году к мысу Каточе подошли корабли Эрнана Кортеса, он пытался улететь и отчаянно клевался. Его поймали сетью и с трудом добились, кто он и откуда. Сначала раздавался только птичий лепет:

– Чаль-чиу-тли-куэ!

Кортес подумал, что это язык майя, и назначил Агилу переводчиком. Вскоре одно индейское племя подарило испанцам в знак примирения и дружбы двадцать девушек. Тогда и Агила получил невесту, от которой у него через год родился сын, слегка похожий на розового пеликана.

К этому времени сыну Гереро уже исполнилось шесть лет.

Город Тайясаль

Гереро схватили люди из рода ица, принадлежащего к племени майя, – и повели, как бычка, на верёвке.

Спали индейские воины мало, приложив ухо к земле, чтобы не прозевать опасность. Изредка разогревали на горячих камнях кукурузные лепёшки и закусывали красным перцем.

Трудно сказать, где они шли и сколько времени.

Сначала, кажется, берегом моря. Затем по бесконечным зарослям, по едва заметным тропам. Гереро помнил только пятна света и тьмы, мелькавшие в глазах, – то ли это солнечные блики на листве деревьев, то ли дни и ночи. Вероятно, ему подмешивали какой-то дурман в воду.

Сознание его прояснилось, когда они вышли на берег огромного пресноводного озера.

– Петен-Ица, – кивнул предводитель воинов, а затем указал копьём вдаль, где виднелся остров, – Тайясаль!

В общем Гереро понял, как и что называется.

Его усадили в длинную узкую лодку с навесом из пальмовых листьев.

Это была пирога, выдолбленная из цельного ствола, с нашивными тростниковыми бортами, промазанными смолой. Управляемая двумя гребцами, она быстро заскользила по тихой прозрачной воде.

Когда подошли к острову, Гереро увидел мальчика в соломенной шляпе, волочившего за собой на верёвке небольшого крокодила.

«Эх, вот точно также и меня притащили», – подумал он.

Хотя, наверное, воздержался бы от сравнений, если бы знал, что молодой крокодил – любимая пища здешних жителей.

Неподалёку стояли деревянные, обмазанные глиной, хижины-чосы с высокими крышами из пальмовых листьев. Это были окраины города Тайясаля.

Дальше начиналась мощёная дорога, по краям которой поднимались белокаменные дома.

Встречались полуголые люди в набедренных повязках. И другие – в белых одеждах, расшитых узорами, в широкополых шляпах, в сандалиях на каблуках.

Там и сям виднелись огороды и фруктовые сады. Здесь взращивали кукурузу в обнимку с фасолью и тыквами. Сорго и манго. Грейпфруты, кокосы и бананы. Инжир и финики. Гуайяву и папайю. Лавровые, каучуковые и красные деревья. Да чего тут только не росло?! Казалось, всё само лезло из земли поближе к солнцу. Даже рамон – хлебное дерево.

В городе было шумно, как в любом месте, где собирается немало людей и животных.

Ну, по голосистости и неугомонности, с чем сравнить живой город? Разве что с птичьим базаром!

Перекивая друг друга, торговцы предлагали разноцветные перья и камни, сушёную рыбу и кабанчиков, кукурузные лепёшки и цветные покрывала, одежду, кораллы, морские раковины и много прочего, неизвестного Гереро, – ни по виду, ни по назначению.

У него голова кружилась от гула, а, возможно, от каких-то редких ароматов и пряностей.

«Может, это опять сон, – раздумывал он, – Впрочем, весьма любопытный. Даже если меня здесь зарежут или повесят, будет на что поглядеть перед смертью».

Как большинство людей на этом свете, Гереро не понимал своей жизни. Куда-то его влекло, чего-то ему хотелось. А почему, собственно, того, а не этого – он бы не ответил.

Но, в отличие от многих, Гереро радовался всему, что с ним происходило, и в каждом прожитом дне находил свою прелесть. Как говорится, и в ненастье для него проглядывало солнце. Он был, что называется, – лёгким человеком. И потому многие беды оборачивались для него благополучием.

Так есть деревья, которые от удара молний не расщепляются, не сохнут, а, напротив, вобрав небесную силу, становятся ветвистей и зеленеют пуще прежнего.

Косой взгляд, прямые мысли

Дорога вывела на площадь, окружённую дворцами и высокими пирамидами с деревянными храмами на вершинах.

Оштукатуренные стены были расписаны красными ягуарами и чёрными крылатыми змеями, а по камню украшены богатой резьбой. Страшные лупоглазые и клыкастые морды глядели с каждого карниза.

Гереро затащили во внутренний тенистый двор и поставили перед человеком, уместившимся с ногами на красном табурете. На плечах его лежала тёмно-бурая с белыми подпалинами шкура тапира.

Совиное лицо под высоким меховым колпаком казалось сонным, а чёрные глаза сильно косили. Невозможно понять, куда именно. Во всяком случае, далеко в сторону, мимо Гереро.

Конечно, этот пленник, опалённый пятью солнцами в море, облепленный водорослями, производил неважное впечатление.

А жрец Эцнаб хорошо знал, что благоразумнее не глядеть на таких прямо. От них легко, как блохи, перескакивают злые, необузданные духи.

Похожие люди не раз приплывали с восточных островов. Совсем дикие, голые, без юбок, кровожадные людоеды! Правда, безбородые, как и все здешние племена...

На миг глаза жреца воткнулись, как отточенные кремниевые наконечники, в лицо Гереро. А ближайший воин дёрнул его за бороду, проверяя, не морская ли это мочалка, вроде накладного украшения.

– Кретино! – воскликнул Гереро, стараясь пнуть воина, – Идиота!

И этого оказалось достаточно, чтобы жрец Эцнаб узнал голос, который слышал в храме на берегу моря.

– В помещение стражников! – распорядился он.

Гереро завели в маленькую сводчатую комнату, где на четырёх камнях покоились длинные шесты, связанные корой. Похоже, что койка. Он улёгся, пытаясь задуматься о будущем, в котором вроде бы не намечалось ничего хорошего, но сразу мирно заснул.

А Эцнаб отправился через площадь, во дворец правителя, и был угрюм по дороге.

«Пришельцы! – думал он. – Мы сдерживали их так долго, как могли. Почти двадцать лет прошло с тех пор, как их первые пироги достигли островов, отделяющих море от бесконечного океана! И до сих пор наша земля не открывалась им».

Сняв колпак, Эцнаб потёр ладонью свой вытянутый в виде мотыги череп, и услышал слова правителя Канека.

«Уже скоро нашествие, и его не предотвратить! Эти люди принесут много бед и горя! – звучало в голове. – Не лучше ли каждого из них бросить на жертвенный камень?»

«Цаколь-Битоль говорит о другом», – отвечал жрец, проходя в дворцовые двери.

Представ перед Канеком, он поклонился и добавил вслух:

– Не будем убивать первых из них. Сделаем союзниками. Таково веление владыки Двойственности.

– Пожалуй, ты прав, – согласился правитель. – Через три туна малое сорок пятое колесо прокатится ровно половину своего пути. Начнётся время Обновления. Пора освежить и кровь нашего народа.

Так быстро, без проволочек, пока Рыжебородый безмятежно спал, определилась его судьба.

Жрец Эцнаб и Гереро на удивление быстро начали понимать друг друга.

Прислушиваясь к висящей на груди раковине, будто именно она переводила с языка на язык, Эцнаб кивал, перебирал в воздухе пальцами. В конце концов, сумел каким-то обра-

зом толковать, что послал воинов в бухту Тулума, поскольку предвидел, – двое людей выйдут на берег из моря.

– Где же второй? – спросил он.

Гереро пожал плечами.

– О, там ему несладко придётся! – заметил жрец.

Во всяком случае, именно так уяснил для себя Гереро его певучую, почти без согласных, вроде дельфиньего щебетания, речь.

– Кальи ин ийольо! – улыбался Эцнаб. – Я вижу – добро находится в твоём сердце...

Особенно живо пошёл разговор, когда принесли кувшин крепкой браги из кактуса магея, настоящей на растении оклатли. Брага была могущественная, но проясняющая голову.

– Это пульке! Напиток жизни! В нём танцует бог опьянения – кролик Ламат, – наливал Эцнаб, и они закусывали плодами гуайявы, напоминавшими яблоки с виду и грушу по вкусу, а ещё жареными листьями кактуса нопалья.

– Запомни, – кивал Эцнаб, – сердце человека – благоухающий цветок, распускающийся в полночь.

«Хорошо сказано! – думал Гереро. – И как умно – пить кактус и закусывать кактусом. Только великий народ мог придумать такое!»

Уже взошла луна, и Эцнаб указал на неё сухим и тонким, как у птицы, пальцем.

– Видишь кролика Ламата? Там его дом!

Гереро пригляделся, и на одной из двух, – то ли на левой луне, то ли на правой, – действительно различил сидящего кролика.

– У тебя зоркий глаз, – одобрил Эцнаб. – И мудрая голова! Лишь на очень мудрой голове могут расти со всех сторон рыжие волосы – и сверху, и снизу. И вот что я решил, Рыжебородый, – ты будешь жить среди нас!

После чего раскурил и протянул трубку с табаком.

Той ночью под луной, откуда поглядывал кролик, Гереро впервые вдохнул табачный дым, и показалось, что глубоко окунулся в терпко и удушливо благоухающие цветы.

И сердце его билось спокойно, ровно, как у человека, с которым ничего дурного никогда не случится.

Советник ахава

Вокруг дворца правителя-ахава Канека над цветами лилового колокольчикового дерева порхало множество колибри.

– Души погибших воинов, – сказал Эцнаб. – Они обитают в раю, но раз в пятьдесят два года спускаются на землю, чтобы насладиться цветочным нектаром.

Этим утром Гереро и сам блаженствовал, как колибри, будто угодил в рай, нарочно для него созданный.

«Если разобраться, так оно и есть, – согласился про себя Эцнаб. – Увы, далеко не каждый и очень редко это ощущает».

Дворец ахава был невероятно пышен. Ничего подобного Гереро раньше не видывал. Комната из чистого золота обращена к востоку. Изумрудно-бирюзовая глядит на запад. Третья, выходящая к югу, облицована перламутровыми раковинами, покрытыми тончайшими серебряными нитями. Четвёртая, северная, комната из яшмы и нефрита. И всё украшено искусно сплетёнными покрывалами из перьев – жёлтых, нежно-синих, розовых, белых в крапинку, красных и зелёных.

Позже Гереро понял, что убранство дворца зависит от расположения духа ахава Канека. Когда он бывал расстроен или угнетён, все комнаты выглядели одинаково – просто покрыты расписной штукатуркой.

Но в тот день Канек радовался жизни, сидя на каменном троне, укрытом подушкой и пальмовыми листьями.

Он был в нагрудном панцире из леопардовой шкуры с раковинами по краям. В его ушах – бирюзовые диски с красными кисточками. На шее – ожерелье из раковин. А на голове – высокий плюмаж из чёрных вороньих и красных перьев попугая-гуакамайи. Рукава белой рубахи тоже затканы разноцветными птичьими перьями. На коленях – плетёный двуручный щит, в руке – жезл в виде красно-чёрной змеи. А на ногах – обсидиановые браслеты и белые сандалии.

Рядом лежала огромная собака, кофейного окраса, однако без шерсти, как будто только что наголо выбритая. Её звали Шолотль, по имени чудовищного пса, охранявшего загробный мир. Впрочем, эта голая собака была крайне любезна и ободряюще подмигивала, разве что не улыбалась.

Зато широко улыбался сам ахав Канек, показывая ровно подпиленные зубы, облицованные кое-где зелёным нефритом. Некоторое время он разглядывал рыжебородого гостя, словно вычитывал, что у того в голове и на душе, и, наконец, кивнул, чтобы Гереро присаживался.

Его угостили солёной морской щукой-пикудой с толстой репой-хикамой, странными фруктами – помидорами и агуакате. А затем и сладостями, приготовленными из редкого лесного плода икаку.

Но главным десертом оказалось то, что Рыжебородый, назначен военным советником ахава.

В те времена дело до войны не доходило. Некоторые роды, или кланы, – например, ягуары и лагартихи – платили городу Тайясалю немалую дань. Каждый месяц-виналь привозили на остров хлопковые ткани, перья, драгоценные камни, плетёные циновки и щиты, выделанные шкуры и украшения из бирюзы, а также перец, соль, бумагу, домашнюю птицу, прочное волокно из листьев растения юкка, маис, мёд, воск, табак и ароматическую жёлтую смолу...

От этих кланов можно было ожидать враждебных выходов, вроде внезапных нападений. Но у них и без того сейчас забот хватало. Они отчаянно, с переменным успехом, защищались от белых пришельцев.

А город Тайясаль, скрытый посреди озера в глубинах сельвы, жил мирно, без особых тревог.

Его населяли ювелиры, ткачи, гончары и камнетёсы, воины и торговцы, музыканты и танцоры, столяры, плетёнщики корзин и циновок, водоносы, земледельцы и садовники.

Конечно, из всех этих занятий Гереро больше всего подходила должность военного советника. Но тут уж никак не обойтись без языка, на котором советы будут поняты. И Гереро для начала постарался овладеть речью майя, подобной волне, что набегает без препятствий на берег.

Слова порхали, трепетали, как колибри над цветком распустившейся орхидеи. И в конце каждого – приподнятый вздох, будто оно, взмахнув крыльями, улетает. Произнесено, и нет его, улетело. А на смену припорхнуло, щебеча, другое.

Ну, уж коли разговор о птицах, так надо помянуть, что Гереро научился сбивать их на лету, не портя драгоценных перьев. Для этого майя насаживали на стрелу твёрдый гриб, и птица падала на землю оглушённая.

Кроме того, узнал, как поймать дикую свинью и броненосца, как выследить красного оленя и тапира, что делать, если вдруг повстречаешься на тропе с ягуаром. Большую часть времени он проводил на охоте.

И всё же кое-какие советы Рыжебородый давал воинам майя. Показал, как управлять парусами на пирогах, когда идёшь против ветра или течения, как плавать морскими сажёнками, вязать особенно крепкие узлы на верёвках и весело танцевать качучу и сарабанду. Сплёл из волокон кактуса агавы прочную сеть и поставил в озере. Майя глазам не поверили, увидев, сколько попало рыбы.

Впрочем, на свой манер они ловили не многим меньше. Перегораживали речку или ручей плотиной и бросали в воду дурманные травы, отчего рыба, засыпая, всплывала на поверхность – только собирай.

Гереро решил удивить их ещё больше и смастерил повозку на двух колёсах из деревянных чурбачков. Она катилась вполне прилично, хоть и вразвалку, с подскоками.

Однако на жителей города Тайясаля не произвела впечатления. Как будто они увидели что-то знакомое, отчего давно отказались за ненадобностью. Так ребёнок, повзрослев, отворачивается от старых игрушек.

В хозяйстве майя не было колеса. Зато в их воображении крутились колёса – небесные и временные, исчисляющие жизнь одного человека, поколений, целых народов и всей нашей Земли.

Вскоре Рыжебородый стал своим человеком на озере Петен-Ица. Расхаживал по городу в белой рубаше с красным вышитым узором на рукавах и в коротких, но широких, вроде юбки, штанах-маштле.

У него завелись кое-какие деньги, то есть бобы какао. На городском рынке за десять бобов можно было купить кролика, а за сотню – раба из пленных или сироту, без роду и племени.

Гереро приглянулась старшая дочь ахава Канека. Конечно, на неё никаких бобов не хватило бы.

Но Гереро начал оказывать ей знаки внимания – ухаживал, как мог. Подарил ожерелье из раковин. Потом дюжину красивейших перьев какой-то сказочной птицы, оказавшейся, как выяснилось, петухом местной породы. И вскоре через Эцнаба попросил её руки и сердца. Известно, какие слова отыскал жрец, но Канек согласился, и Рыжебородый женился на девушке по имени Пильи.

Она была так же нежна и ласкова, как звук её имени.

Голова в дощечках

А в 4628 туне Пятого солнца, или в 1514 году от рождества Христова, у Гереро и его жены-принцессы родился сын. Настолько, видно, была сильна папина подсолнечная кровь, что он появился на свет таким же светлым и рыжим. Его так и называли Шель, что на языке майя означает Белый.

В землю зарыли золу из очага и несколько стрел, надеясь, что мальчик станет хорошим воином. Жрец Эцнаб бережно положил пуповину в глиняный сосуд, накрыл крышкой и нарисовал какую-то закорючку.

– Лучшее лекарство от неожиданных болезней! – объяснил он папе Гереро.

Пилы с младенцем очистили паром и пахучими травами в бане.

А затем они целых два месяца-виналя, то есть сорок дней, провели в уединении. Лишь служанка ухаживала за ними, крепко пеленая Шеля, связывая по рукам и ногам, чтобы душа не сбежала.

Мама Пилы млела от восторга, глядя на голубоглазого рыжего мальчика, так похожего на отца, будто он появился в этом мире совсем без её участия.

– Мой голубок, – говорила она, – Мой попугайчик, мой совёнок, моё солнце...

И эти слова звучали у неё так складно, нараспев, как самая нежная колыбельная.

А когда они вышли к людям, Шелю подарили золотое солнце с пятью изогнутыми лучами, серебряных попугая, голубя и сову, которые остались при нём на всю жизнь. Стоило только поглядеть на них, как сразу обволакивал сладкий, безмятежный сон.

Наступило время Шипе-Тотека – бога весны. Цвели, как сумасшедшие, миндальные и кофейные, манговые и мандариновые, лимонные и апельсиновые деревья, смоковница и папайя, палевые и розовые мимозы, воздушно-лиловые хаккаранды, красные колорины и пурпурные бугамбилии.

Как раз закончилось полукружие в пятьдесят два года длиной, то есть полвека майя, и всё обновлялось.

В городе били старую посуду. Крушили древних идолов, чтобы воздвигнуть новых. Перебивали обветшавшие дома, пирамиды и храмы. Вырывали язычки колокольчикам, отзвеневшим свой срок. Гасили огонь в очагах, а ровно в полночь, встретив созвездие Плеяд на небе, опять возжигали. И жизнь сызнава грела и потихоньку дымилась, двигаясь вперёд. Всем казалось, что как-то иначе, чем прежде. Скорее всего, лучше.

А коли так, не обойтись без праздника с музыкой! На городской площади нежно звучали флейты-чиримии, бамбуковые ксилофоны и бубенцы. Барабаны из черепаших панцирей напоминали о неизбежных грозах. А двадцать воинов в масках орлов и ягуаров пели хором, подражая звукам сельвы.

Под этот торжественный гимн податливую ещё голову Шеля стягивали со лба и с затылка дощечками красного дерева. Жрец Эцнаб следил, чтобы прикрутили их, как следует, наилучшим образом.

Гереро ужаснулся, не понимая, что происходит. Ему так нравилась круглая, будто маленький кокос, головка сына.

– Не позволю! – воскликнул он.

Однако Эцнаб, постучав себя по расплюсненному лбу, успокоил.

– В таком виде, клянусь, голова думает намного лучше.

– Эх, знать бы раньше, – притворно вздохнул Гереро. – Теперь-то мне вряд ли чего поможет.

– Ну, большинство вполне обходятся тем, что получили от природы, – улыбнулся Эцнаб. – Хотя на их головах не удержится колпак жреца или высокая корона правителя!

По гадательному календарю, определяющему судьбу человека, он вычислял, с каким животным связана жизнь Шеля.

– В час рождения любого ребёнка появляется на свет зверёк, который будет его вторым «Я» по имени Уай, – пояснил жрец, – Рано или поздно с ним придётся общаться – во сне или наяву. Поэтому в доме нужна особая комната для таких бесед.

Не слишком разобравшись в этом втором «Я», Гереро осторожно спросил:

– А о каком звере речь? Так ведь угораздит родиться вместе с каким-нибудь чудищем!

– Всё возможно, – спокойно согласился Эцнаб, – От летучей мыши до ягуара, включая змею, паука и крокодила. Но у твоего мальчика хороший спутник...

Первое, что запомнилось маленькому Шелю, – горшок в виде носатого зверька с длинным полосатым хвостом, служившим ручкой.

А ещё двенадцать небольших колокольчиков – женских фигурок с чашами на головах. Лишь одна была без чаши. Шель особенно любил и жалел её, – как же она без чаши, когда у всех других есть?!

Его купали в глиняном полированном корыте, расписанном цветами, птицами и диковинными животными. И он любил нюхать их, трогать и болтать с ними. Это был чудный мир сельвы, в который ему доведётся попасть много позже.

Когда Шель впервые увидел себя без дощечек на голове, то сперва растерялся, будто очутился голым посреди улицы.

Но голова его и правда очень хорошо видела, слышала, нюхала и отлично соображала. В неё приходили такие мысли, которых сам Шель не ожидал. Он понимал всё, что рассказывал Эцнаб, и было такое ощущение, что уже знал это раньше – стоило только напомнить. Остроконечная голова, словно кристалл, вбирала солнечные лучи и просветлялась.

– Голова может быть ясной, а человек – тёмным, если живёт одним умом, – сказал как-то Эцнаб. – Без чувств голова холодная, как камень обсидиан. Всё соображает, а к чему это, не осознаёт, не складывает в единое целое. Старайся, мальчик, понимать душой, чувствами. А голова будет помогать. Она – созидатель. Душа – творец. И они двуедины, как наш Цаколь-Битоль.

Цаколь-Битоль

Маленький Шель играл скачущими бобами. За ними можно было наблюдать целый день. Они вдруг прыгали сами по себе – от солнца в тень. В этих бобах жили шустрые гусеницы, управлявшие своими домами.

Вместе с другими детьми он отыскивал гнёзда земляных ос. Большие глиняные шары нагревали на костре, чтобы выползли осиные личинки. Это было лакомство!

Как-то Шелю подарили каучуковые фигурки людей. Эцнаб долго разглядывал их, а потом сказал:

– Как настоящие! Упругие и в тоже время податливые...

Он сам решил воспитывать этого рыжего мальчика.

Однажды ранним утром привёл Шеля в длинный приземистый дом, где помещалась школа.

Комнатки были крохотные, тесные, как соты, – здесь каялись, укрощая дух и страсти. Только под самым потолком на стенах виднелись оконца, называемые «ик». Через них проникал бог ветра, давая жизнь очагам.

Пройдя длинным, путаным лабиринтом, они очутились в особенно глухой и мрачной, как склеп, комнатушке.

Жрец долго молчал, и Шелю начало казаться, что ничего нет в мире, кроме этой темноты. Он уже забыл, что рядом с ним Эцнаб, и вздрогнул, когда раздался голос.

– Не существовало ничего, – произнёс жрец, – Не было ни человека, ни животного, ни птиц, ни рыб, ни крабов. Ни деревьев, ни камней, ни пещер и ущелий, ни трав и лесов. Ничто не двигалось и даже не дрожало. Ничто не могло произвести шума. В темноте было только лишь неподвижное молчание...

Эцнаб надолго умолк, и Шель попытался ощутить молчащую бесконечную пустоту.

– Не мучайся, – донёсся голос Эцнаба. – Ты пока не можешь этого представить, как не вообразишь и смерть.

Слова долетали издалека, но рука жреца мягко легла на голову Шеля.

И вдруг он увидел, как немая пустота содрогнулась, пришла в движение. Всё просветлилось в миг!

Вспыхнули миллиарды звёзд, и Вселенная, возникнув, начала вращаться, подобно огромному колесу, которое описать невозможно. А внутри неё потекло, закручиваясь водоворотом, время.

Но прежде в Сердце Небес было сказано магическое слово, которое Шель, увы! не слышал.

Зато он понял, что это слово Цаколя-Битоля – Творца и Создателя – отца и матери всех богов и всех людей, который сотворил и самого себя и саму жизнь.

Невидимый Цаколь-Битоль ещё раз воскликнул, как мореход, заметивший берег, – Земля!

И она немедленно возникла. Сначала в виде тумана. Вроде серебристого облака пыли.

Шель коснулся его пальцем и почувствовал, что оно живое. Вот разделились воды неба и земли. И отвердело облако, покрывшись океаном.

Цаколь-Битоль уже создал так много – свет, и зарю, и твердь земную.

Однако не хватало вершины – смысла всего творения. Ведь каждый Создатель желает, чтобы его любили и помнили. А для этого необходимо подобное по духу существо!

И Эцнаб прошептал прямо на ухо Шелю, как великую тайну:

– Да, люди созданы потому, что Цаколь-Битоль нуждается в них. Сначала Он слепил человека из земли и глины. Но получилось неудачно. Глина расплывалась и не имела силы. Хоть тот человек и говорил, но глуповато, будто попугай.

И был создан второй – из дерева. Деревянные люди плодились – имели дочерей и сыновей, таких же деревянных, без души и разума. Они не помнили своего Создателя.

– И где же теперь эти люди? – спросил Шель.

– Да как сказать, – замялся Эцнаб. – Пожалуй, если повстречаешься, сразу поймёшь – деревянный он или глиняный...

Лучше прежних удался третий человек – из стеблей и початков маиса – потому что Цаколь-Битоль вдохнул в него частицу самого себя.

Но даже маисовый человек в ничтожных хлопотах постоянно забывал о своём Творце.

– А кто бы это вытерпел, когда его творение ведёт себя так, будто бы само себя сотворило?! – воскликнул Эцнаб, – И разве много просил Цаколь-Битоль от человека? Только любви!

Он вывел Шеля за руку из тёмной комнаты во внутренний дворик, куда, казалось, устремились разом все солнечные лучи. Так было ярко, что глаза едва видели.

– Прежде сгорели четыре солнца, – указал Эцнаб на золотое небо. – И Цаколь-Битоль сотворил это – пятое по счёту. Чудесное солнце! Да только оно не двигалось. Зачем, если на земле к той поре не осталось людей?

Тогда Цаколь-Битоль послал своего сына Кукулькана – Пернатого змея – в загробный мир, чтобы он возродил людей. Кукулькан окропил кости умерших собственной кровью, и люди воскресли, а Пятое солнце начало свой путь.

– Как говорят наши древние книги, оно светит вот уже четыре тысячи шестьсот тридцать шесть лет, и осталось ему чуть более десятой части от прошедшего времени. Если человек не поддержит его своей любовью, оно погаснет, – вздохнул Эцнаб, заканчивая рассказ, —

Помни, мальчик, что мы – люди, заслуженные Творцом. А теперь иди, да постарайся не заблудиться.

Шель растерянно двинулся по лабиринту, полному отзвуков, совершенно не понимая, куда идти, где сворачивать. Вдруг ему показалось, что стены ожили, став зеркальными, и в них отражался он сам, превращаясь то в койтота, то в ягуара, то в колибри, то в цесарку.

Напугавшись, он побежал и обернулся холодным ветром, который оставлял на зеркалах изморось. Шель замер и увидел, что превратился на сей раз в знакомый с детства горшок.

Точнее, в того зверька, в виде которого его любимый горшок был вылеплен. Носатый и длиннохвостый, он спокойно шёл, посвистывая, будто очень хорошо знал дорогу.

Шель догадался, что это отразилось в лабиринте его второе «Я» по имени Уай.

И, доверившись ему, быстро выбрался на улицу, где его поджидал Эцнаб.

Генерал и губернатор

Гереро, конечно, радовался рождению сына, любил его, но видел редко. Он проводил время в сельве с охотниками майя, и порой они возвращались через целый виналь. Хорошо ещё, что в одном винале всего двадцать кинов, то есть дней.

Отличить весну от зимы или осень от лета не так-то просто в этом Новом свете, где круглый год тепло, и деревья не роняют листьев, а плодоносят, когда им заблагорассудится. В голове Гереро немного перепутались времена года, но он уже знал, что в июле начинаются ливни, стоящие стеной, как запрокинутое море. А с октября – два месяца подряд – бродят там и сям ураганы.

Именно в начале октября один единственный раз ахав Канек получил военный совет от Гереро.

Тогда, в 1525 году, Эрнан Кортес, генерал-губернатор Новой Испании, направлялся с отрядом всадников в Гватемалу – усмирять непокорного наместника дона Альварадо, возмнившего себя полноправным правителем доверенных ему земель.

Путь Кортеса, случайно или нет, вывел к озеру Петен-Ица.

Подбиравшийся к самому лагерю испанцев разведчик в шкуре питона доложил ахаву Канеку:

– Их много! Бородатые, в сияющих панцирях! На ужасных зверях, которые смеются так, что кровь стынет в жилах!

Гереро понял – это конный отряд. На остров доходили слухи, что многие кланы майя уже покорены белым вождём, что далеко на севере разгромлена великая империя ацтеков. Он представил, что может произойти в ближайшие дни с тихим Тайясалем, если испанцы захотят его разграбить. И посоветовал Канеку принять белых пришельцев как желанных гостей, послав навстречу лодки с дарами.

Ахав так и поступил. Он встретил Эрнана Кортеса очень дружелюбно. Его воины, отложив луки, стрелы и короткие дротики, коснулись земли пальцами, а затем, поднеся к лицу, поцеловали их – в знак уважения к гостю.

Черноволосый, с белым, как гипс, лицом и седой бородой, одетый в тёмные доспехи, Кортес ступал по улицам города так мрачно, как тень предстоящих бед. Его не радовали праздничные знамёна, затканые разноцветными перьями, и бумажные флажки, шелестящие под ветром. Глаза его застилали туманы забот, тяжёлая пелена власти.

Дворцовые комнаты выглядели в тот день скромно, без привлекающей внимание пышности. Так, дерюжные коврики на стенах. И всё в каком-то мареве – то ли есть, то ли нету. Но пир Кортесу устроили славный – подали жаркое из черепахи и запечённого в глине павлина, тушёную курицу под шоколадным соусом моле, с перцем, фасолью и маринованным кактусом нопалем, паштет из крокодилей печёнки и жареные в пальмовых листьях язычки игуан. И в заключении – напитки из бобов и тыквы, а также ананасы, сердцевина которых была вырезана и заполнена брагой на меду. После чего настало время курения табака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.